

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

О.А. КАЖАНОВ

СТАТИСТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В РОССИЙСКИХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДУМСКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ 1906–1912 ГОДОВ)

На примере думских избирательных кампаний (1906–1912 гг.) в статье рассматриваются методы эмпирической социологии, применявшиеся в российских исследованиях политических выборов начала XX века. В центре исследовательского интереса — наиболее распространенный в прикладных изысканиях того времени статистико-социологический метод. Изучение дошедших до нашего времени работ конкретных авторов позволило рассмотреть особенности его использования в целях сбора первичной социологической информации, оценить применение процедур статистико-математического анализа собранного фактологического материала, раскрыть уровень развития электоральной статистики. Делается вывод о том, что именно количественные измерения рассматривались как наиболее перспективный способ получения объективной информации об основных характеристиках поведения российского избирателя на политических выборах. Это определяло их широкое распространение и достаточно высокий для своего времени уровень научно-методического обоснования.

Ключевые слова: история отечественной эмпирической социологии, выборы в Государственную думу Российской империи, электоральные исследования, статистико-социологический метод, электоральная статистика.

Современная прикладная электоральная социология использует широкий набор количественных и качественных методов и приемов,

Кажанов Олег Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Смоленского государственного университета.

Адрес: 214000, Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4.

Телефон: (4812) 38-31-57. **Электронная почта:** kazhanov@bk.ru

позволяющих собирать и анализировать фактологический материал, давая ответы на разнообразные вопросы псефологической проблематики. Методический континуум прикладной электоральной социологии включает не только адаптированные к условиям данной науки универсальные социологические методики, но и приемы, специально разработанные для электоральных эмпирических исследований (например exit-poll). Среди наиболее часто используемых методов сбора фактологического материала современные ученые выделяют различные формы опросной методики и в первую очередь интервью (классическое, глубинное, фокусированное), анализ документов, наблюдение (подробнее см.: [23]).

Особый интерес социологи-эмпирики проявляют к работе с данными электоральной статистики и использованию статистических методов анализа информации. Эти методы позволяют количественно измерить и наглядно проанализировать результаты выборов, опираясь не на оценочные суждения, а на известные в статистической науке показатели [10, с. 120]. Разные виды статистического анализа (корреляционный, регрессивный, факторный и т. д.) с помощью строгих математических процедур вскрывают объективные зависимости между результатами выборов и неэлекторальными характеристиками (социально-экономическими, социально-политическими, социокультурными и т. д.) в пространственно-временной перспективе. Их использование позволяет исследователю выявлять устойчивые стереотипы поведения электоральной общности по территориям, моделировать электоральное пространство по схожести или различию распределения поддержки той или иной партии, кандидата, изучать их социальную базу, реконструировать перетекание голосов между голосованиями. В современной электоральной социологии одним из основных источников прогнозирования активности избирателей, наряду с применением опросных методик, остается электоральная статистика [10, с. 5–6]. Статистико-математические подходы значительно увеличивают точность научного предсказания, не всегда гарантируемую опросными методиками.

Тесная взаимосвязь электоральной социологии и электоральной статистики имеет глубокие исторические корни. Процесс становления отраслевых научных дисциплин во многом перекликается с особенностями формирования социологии и статистики как социальных наук. Последние возникли в XIX веке в тесном взаимодействии. Так, по мнению ряда ученых, именно появление на свет статистики как научной дисциплины, а не учение О. Конта стало точкой отсчета в создании современной (в первую очередь, эмпирической) социологии. Основоположник западной статистики А. Кетле, используя название «социальная физика», заимствованное у О. Конта, видел в ней общую

науку о законах, согласно которым функционируют социальные явления [14, с. 172]. Особенности становления двух наук во многом определяли характер их последующего взаимодействия. «Вообще, исторически статистика и социология, — указывает Е. Кечина, — будучи весьма востребованными обществом социальными науками, развивались по-разному: статистика начиналась с эмпирических исследований, т. е. зарождалась как область практической исследовательской деятельности, и лишь потом оформилась теоретически; социология формировалась как теория, развитие эмпирической социологии произошло позже на теоретическом фундаменте социологии и статистики» [15, с. 36].

На рубеже XIX–XX веков как в России, так и в других странах складывается ситуация, при которой внешние диспропорции в развитии двух наук усиливались внутренними противоречиями. С одной стороны, институализация теоретической социологии тормозилась отсутствием эмпирической составляющей, с другой — создание и быстрое развитие статистического учета, накопление разнообразных статистических данных относительно социальных процессов и явлений опережали теоретическое становление статистики как социальной науки. Все эти факторы усиливали межнаучное взаимодействие, позволяя социологам того времени рассматривать статистику как эмпирическую базу своей науки, а статистикам — формулировать социологические цели своих исследований.

Одним из последствий такого взаимопресечения стала интеграция исследовательских методов двух наук. Большую исследовательскую популярность в то время получил статистико-социологический метод, который представлял собой применение статистического метода массового наблюдения к изучению явлений общественной жизни. Если обычный статистический метод позволял лишь установить закономерно повторяющееся явление, статистико-социологический подход способствовал выяснению причин повторяемости явления. Применение различных методов анализа в работе с цифровым фактологическим материалом делало возможным собственно социологическое обоснование закономерностей разнообразных социальных явлений и процессов. Высокую оценку новому методу в 1919 г. дал российский ученый К. Тахтарев, мечтавший видеть социологию точной наукой. «Статистико-социологический аналитический метод, — писал он, — служит самым действенным средством устанавливать социологические законы, что и составляет конечную цель социологии как науки о закономерностях явлений общественной жизни» [20, с. 225].

Интеграция двух наук шла в российском обществе не только «вглубь», но и «вширь», стимулируя интенсивный процесс формирования отраслевых статистических наук (статистики сельского хозяйства,

железнодорожного транспорта, торговли, статистики населения и т. д.), который, в свою очередь, способствовал отраслевой дифференциации социологии (социологии села, социологии рабочего класса, этносоциологии и т. д.) [15, с. 37].

Становление отечественной электоральной социологии в начале XX века¹ подтверждает указанные тенденции. Мощный импульс ее развитию придали выборы в Государственную думу Российской Империи I–IV созывов (1906–1912 гг.). Они представляли собой общенациональные избирательные кампании с активным участием формирующихся политических партий, острой идейно-политической борьбой за голоса избирателей, разработкой и использованием различных технологий воздействия на электоральное поведение населения. Прагматические запросы заинтересованных в результатах выборов политических сторон стимулировали интерес к пониманию механизмов электорального выбора, созданию надежных пред- и послевыборных прогнозов, позволяющих предвидеть как итоги голосования, так и характер деятельности вновь избранных представительных властных структур.

Электоральные исследователи того времени активно использовали наблюдение, анализ документов, метод картографии и др. Однако наибольший интерес вызывали статистические методы сбора, обработки и анализа фактологической информации, разносторонние возможности которых в изучении электоральной проблематики отмечали многие современники. «Статистический анализ, — писал один из них, — должен и может выявить и учесть влияние всех факторов, влияющих на исход выборов, как-то: классовый состав избирательных коллегий, отношение между классами, политическое настроение отдельных классов, влияние сложившихся партий и их взаимоотношение, роль национального состава курий, личное влияние отдельных кандидатов, непосредственный интерес отдельных выборщиков попасть в депутаты и, наконец, административное “влияние” на выборы» [6, с. 3].

Статистический подход включает в себя работу исследователя как с первичными, так и вторичными данными. Ценность первого варианта состоит в том, что статистическая информация собирается непосредственно, исходя из целей исследования, на основе специально разработанных научных методик. Преимущества второго варианта, строящегося на обработке и анализе данных, полученных в рамках

¹ По мнению В. Амелина и А. Дегтярева, конец 90-х годов XIX века – середина 20-х годов XX века — время формирования основных исследовательских направлений в рамках социологии политики, среди которых можно выделить социологию выборов и электорального поведения [21, с. 520].

других исследований, становятся очевидны в случае невозможности проведения собственных эмпирических изысканий. В статистико-социологическом изучении думских выборов в начале XX века использовались два этих варианта.

Примером непосредственного сбора числовой информации является статистическое анкетирование членов I Государственной думы, проведенное в мае 1906 г. Н. Бородиным. В качестве инструментария использовался специально разработанный опросный лист, который включал вопросы относительно возраста, степени образования, вероисповедания, национальности, сословной принадлежности, профессии или занятия, имущественного положения, принадлежности к политической партии и парламентским группам и др.

Проводимый опрос носил заочный характер. Заполнение анкет заняло определенное время, и в начале июня 1906 года было получено 448 ответов. Их подробный анализ позволил оценить эффективность разработанного инструментария, выявить плюсы и минусы методической подготовки исследования.

При составлении анкеты учитывался факт достаточно выраженной образовательной дифференциации депутатов. Простота формулировок вопросов определяла, по словам Н. Бородина, доброкачественность и полноту собранного первичного фактологического материала.

В то же время, предложение участников частного заседания членов I Государственной думы по утверждению разработанного инструментария внести в анкету дополнительное примечание относительно репрессий, которым подвергались отдельные депутаты, снижало аналитическую значимость полученной информации. Нарушалось одно из четырех «правил Кетле», хорошо известных российским статистикам того времени: не задавать вопросов, которые могут вызвать у опрашиваемых подозрения или опасения. Эпизодичность собранных данных заставила исследователя отказаться от их обработки и анализа. По мнению Н. Бородина, такого рода вопросы уместны скорее в биографических сведениях, чем в статистике.

Качество полученной информации снижал и именной характер бланков. Хотя Н. Бородин гарантировал респондентам конфиденциальность сообщаемых сведений, в ряде случаев (например, при выяснении имущественного положения депутатов) это вызывало нежелание опрашиваемых давать достоверные ответы на поставленные вопросы. В то же время, именной характер анкет расширял возможности аналитической работы в рамках единовременного статистического наблюдения. Н. Бородин попытался проследить динамику формирования партийных предпочтений депутатов, которые лишь только начинали складываться в условиях неразвитости общественно-политической жизни страны.

Были выявлены и другие недочеты при составлении вопросника, которые, в целом, несколько не умаляли значимости проделанной Н. Бородиным работы (подробнее см.: [12, с. 333]). Полученные статистические данные позволили составить достаточно полный «социальный портрет» депутатского корпуса первого российского парламента, вскрыть надуманность обвинений левых и правых думских оппонентов в антинародном характере социальной представительности Думы (см.: [1]). Проведенное исследование положило начало официальной практике статистического анкетирования депутатов Государственной думы разных созывов в дореволюционной России.

Использование вторичной числовой информации в социолого-статистических исследованиях думских выборов того периода опиралось на два вида основных источников: официальные и неофициальные. К первым относились сведения о результатах парламентских выборов, публиковавшиеся ответственными общеимперскими или региональными государственными структурами в периодических изданиях, например в газете «Правительственный вестник», в различных губернских ведомостях², других столичных или провинциальных изданиях и т. д. По оценке самих исследователей, ни полностью, ни точно они не отличались [7, с. 52]. Во вторую группу входили публицистические работы, освещавшие ход и итоги конкретных думских избирательных кампаний. Разнообразный цифровой материал по электоральной проблематике давали многочисленные публикации в общероссийской и провинциальной периодической печати, например в либеральных газетных изданиях «Русь», «Страна» и т. д. Источниками статистических данных становились и специальные самостоятельные исследования, авторы которых скрупулезно собирали, обрабатывали и группировали числовые характеристики выборов, представленные в различных жанрах печатной журналистики: заметках, аналитических статьях, обзорах внутренней жизни. С одной стороны, неофициальные источники расширяли и углубляли аналитическую базу электоральных исследований, с другой — исходя из преобладающей партийно-идеологической направленности публикаций могли существенно снизить объективность социолого-статистического изучения выборных процессов. Пример превращения статистики из науки в служанку политики дает кадетская газета «Речь», которая в период выборов в Государственную думу третьего созыва (1907 г.) для подтверждения вероятности победы «умеренной демократии»

² «„Ведомости“, как правило, — указывает один из современных историков российской журналистики, — носили характер официального правительственного издания... Если новую газету в провинциальном городе затевал губернатор, она, как правило, включала в свое название слово “Ведомости”» [17, с. 70, 71].

опубликовала специально подобранные цифры общественной поддержки (резко расходившиеся с реальными результатами кампании), убеждавшие читателя в возможности такого исхода [13, с. 140].

Существенную помощь социологическому изучению парламентских избирательных кампаний могла оказать практика отраслевых эмпирико-статистических исследований. Однако она, как, впрочем, и сам институт думских выборов, находилась в стадии становления, что остро ощущали современники. «К сожалению, статистика политических выборов в России, — отмечалось в одном из электоральных публицистических исследований начала XX века, — дело будущего...» [19, с. 7]. Тем не менее, первые шаги в этом направлении уже были сделаны, и мы не склонны разделять точку зрения отдельных современных историков электоральной статистики, принижающих их научную значимость. В частности, это касается попытки отделить статистику политических выборов в дооктябрьской России от современного аналога, акцентируя внимание на непростых условиях, в которых первая формировалась. «Непрямой, — указывает А. Титков, — многоступенчатый, с делением на избирательные разряды, порядок думских выборов начала XX века означает... почти полное отсутствие привычной статистики, показывающей количество голосов, поданных за партии или кандидатов, уровень явки и др.» [22].

В этом плане достаточно обратиться к дошедшим до наших дней статистическим отчетам о думских выборах, официально опубликованным органами государственной и муниципальной власти в царской России.

Один из них, подготовленный сотрудниками Министерства внутренних дел, содержит достаточно обширный статистический массив данных о ходе выборов в Государственную думу третьего созыва в пятидесяти губерниях Европейской России и в области войска Донского [2]. Многочисленные статистические таблицы содержат систематизированные данные³, дающие представление о численности и цензовом составе электорального корпуса, ходе выборов на избирательных сходах и съездах, о социальном составе выборщиков, избранных членов Государственной думы и т. д. В том числе приводятся сведения о явке избирателей и уполномоченных на выборы, о политической ориентации выборщиков и депутатов, причем в сопоставлении.

В этом плане особый интерес, на наш взгляд, представляют сравнительные статистические таблицы, группирующие числовую информацию по разным, в первую очередь социальным, аспектам трех

³ Их полнота, как указывали сами авторы отчета, ограничивалась наличием получаемого с мест цифрового материала [2, с. III].

думских избирательных кампаний, проводимых в Москве в 1906 – 1907 годы [4, с. 1–48]. Они включали данные, например, об изменениях численности городского электорального корпуса, о социальном составе (возрастном, сословном, цензовом, профессиональном и т. д.) голосующих и абсентеистов, электоральной поддержке политических партий и т. д. как по отдельным избирательным участкам, так и в целом по Москве. В рамках использования компаративистского метода исследования специалисты статистического отдела городской управы привлекали к работе и электоральную статистику муниципальных выборов во «второй» столице Российской империи [3, с. 46–47].

Для того чтобы представить читателю более объемную характеристику избирательного процесса, электоральные статистики прибегали не только к количественным, но и качественным методам исследования, например к анализу предвыборных агитационных документов участвовавших в выборах партий или наблюдению за ходом голосования [4, с. 55–56; 3, с. 39–43].

Наконец, представляемая читателю цифровая информация сопровождалась комментариями относительно тенденций формирования электорального поведения москвичей, что свидетельствовало о серьезной аналитической работе статистиков. Констатировалась популярность у горожан политических выборов (имеются в виду избирательные кампании по выборам депутатов в I и II Государственные думы) по сравнению с выборами в Московскую городскую думу⁴, фиксировалось снижение доли лиц, голосующих за беспартийных кандидатов на парламентских выборах⁵, и т. д.

Результаты работы статистического отделения московского городского управления не раз вызвали исследовательский интерес партийных публицистов, пишущих на выборные темы. Обращение к собранному и систематизированному данным позволяло решать различные практические задачи: осуществлять электоральные прогнозы, разрабатывать рекомендации для формирования эффективной партийной стратегии и тактики ведения избирательной кампании и т. д.

⁴ Оказалось, что если политические выборы в Москве проходили при средней явке избирателей более 70%, то средняя явка московских избирателей на муниципальные выборы в период 1892–1904 гг. составила 22,7% [3, с. 47].

⁵ Отмечая усиливающуюся рационализацию формирования партийно-политических ориентаций у городского электората, авторы одного из отчетов писали следующее: «...это может служить доказательством того, что московский избиратель все более и более причается сознательно определять свои политические симпатии, что, в свою очередь, не может не способствовать успеху партийной агитации, имеющей вообще дисциплинирующее влияние на избирателей» [4, с. 150].

Официальная электоральная статистика, например, привлекла внимание К. Дмитриева [8] в связи с отказом от депутатских полномочий избранного от Москвы члена III Государственной думы, кадета Ф. Головина и подготовкой к избранию нового представителя города в нижнюю палату российского парламента по второй курии. Пытаясь определить потенциальную электоральную базу социал-демократического кандидата в будущей избирательной кампании, Дмитриев проследил динамику электорального поведения во втором по значимости городе Российской империи на основе сравнительного анализа выборов в Государственную думу первого, второго, третьего созывов. Изучение сводных статистических таблиц позволяло сделать вывод об устойчивом снижении числа москвичей — обладателей избирательного права и рост от выборов к выборам числа лиц, не принимавших участия в предыдущих голосованиях, в первую очередь, в среде низших городских слоев. Тем самым, считает исследователь, итоги новой думской избирательной кампании 20 марта 1911 года вряд ли отразят реальные политические настроения москвичей; менее всего они позволяют предугадать исход выборов в Государственную думу IV созыва.

Многоаспектность представленной в официальных статистических сборниках цифровой информации позволяет достаточно глубоко рассмотреть сдвиги, произошедшие в партийно-политических предпочтениях городских избирателей за период думских избирательных кампаний. Наряду с анализом итогов голосования за партийных кандидатов в целом по Москве К. Дмитриев исследует и территориальное распределение (по избирательным участкам) партийных симпатий. Выбрав из сводных статистических таблиц 3–4 участка, давших наибольший процент голосов в пользу той или иной политической партии, и использовав подробные данные о социальном составе электората, голосующего на этих участках, исследователь сопоставил полученные результаты и попытался «дать указания на партийное тяготение различных слоев». Поскольку автора интересовала электоральная база левых партий в городе, он рассмотрел избирательные кампании, в которых они участвовали. Результаты изучения динамики партийных предпочтений различных сегментов социально-пространственного континуума московского электората на вторых и третьих выборах в Государственную думу были представлены в табличной форме. Сравнительный анализ структурированной информации позволил выделить, например, изменения в электоральной базе блока левых партий. К. Дмитриев зафиксировал, с одной стороны, ослабление симпатий к его представителям среди мелких служащих и разночинных слоев горожан, с другой — медленный рост интереса в среде торгового пролетариата. На основе выделенных тенденций кандидату

от социал-демократической партии даются практические рекомендации для проведения предвыборной кампании. Отметим, что работы городского статистического отделения «Выборы по г. Москве в Государственную думу первого, второго и третьего призыва», на основе которых и строится все исследование К. Дмитриева, сам автор называет интересными [8, с. 46].

Процесс анализа первичных или вторичных статистических данных предполагает постановку вопросов относительно различных аспектов объекта исследования, таких как «Что это такое?», «Из чего это состоит?», «Почему это происходит?» и т. д. Для получения ответов на эти и другие вопросы необходимо создать некую модель статистического анализа электоральных фактов, отражающую взаимоотношения и взаимосвязи между изучаемыми явлениями, процессами и объектами.

Знакомство с работами российских электоральных исследователей начала XX века показывает, что их авторы активно пользовались широким набором моделей статистического анализа в рамках заявленной проблематики.

Широкое распространение имела одномерная, или простая, модель анализа с одной переменной. Она предполагала получение ответов на относительно простые вопросы: «сколько?» и «что это?», позволяя выявить одномерное распределение значений изучаемого признака. В качестве переменной, в первую очередь привлекавшей внимание электоральных социологов в рамках данной модели, выступил выбор избирателей. Его изучение требовало подсчета голосов, отданных за ту или иную партию или кандидата, и представления абсолютных значений в виде процентного распределения. Официальные результаты голосования, прежде всего, становились объектом статистического анализа, позволяя понять предварительную расстановку сил во вновь избранной Государственной думе либо рассмотреть изменения в политическом выборе россиян в сравнении с результатами предыдущих парламентских избирательных кампаний.

Примером использования одномерной модели статистического анализа является попытка российского публициста Н. Иорданского вскрыть несоответствие между итогами выборов в Государственную думу третьего созыва и реальными политическими ориентациями населения [11]. Констатируя победу правых и крайне правых партий, получивших две трети депутатских мест в нижней палате парламента, он называет ее формальной, связанной с неконституционным изменением властными структурами установившейся избирательной системы. То, что новая Дума не отражает настроений широких слоев населения, иллюстрируется анализом распределения выборщиков по сословно-классовым разрядам в рамках их партийно-политической

ориентации⁶. «Холодные ряды цифр» указывали: лишь среди представителей землевладельческой курии абсолютное большинство (77%) являлись сторонниками правых партий. Зато в двух куриях (рабочей и крестьянской), представлявших самые многочисленные слои русского населения, преобладали лево-оппозиционные настроения (97% и 53%). Сторонники левоцентристских политических партий концентрировались среди выборщиков I и II городских курий (52% и 57%). Несоответствие реального и возможного электоральных выборов, по мнению Н. Иорданского, определялось многочисленностью членов землевладельческой курии, представлявшей лишь 130 тысяч помещиков России. «Левые и оппозиционные выборщики широких слоев населения, — писал он, — после сложной и томительной процедуры первоначальных стадий выборов встречали в губернских избирательных собраниях непоколебимую стену сплоченного землевладельческого большинства, которое механически, весом дворянского тела, подавляло всех противников старого режима» [11, с. 94].

Простая модель статистического анализа переменной электорального выбора предполагала использование как номинальных, так и интервальных шкал, позволявших собирать достаточную информацию относительно одномерного распределения значений признака. Примером является уже упоминавшееся статистическое анкетирование членов I Государственной думы, проведенное Н. Бородиным. Разработанный вопросник позволил собрать объемную информацию по важнейшим параметрам социального состава нижней палаты первого русского парламента: образовательному, конфессиональному, национальному, имущественному, сословному и другим. В исследовательских целях автор использовал и методику центральных тенденций, выявляя типичное значение признака, а также специфику разброса значений признака вокруг их средней величины. Так, анализируя возрастной состав членов Государственной думы, он рассчитал средний возраст депутатов, который составил около 40 лет⁷. Три четверти депутатов имели примерно такой возраст, а молодежь (до 30 лет) и пожилые думцы (более 60 лет) составляли лишь одну десятую от общего числа парламентариев [1, с. 13]. Средний возраст членов Государственного совета Российской империи оказался на 10 лет выше, что, по мнению исследователя, было не случайным и указывало на то, какую важную преобразовательную роль отводило российское

⁶ Н. Иорданский опирается на данные кадетской газеты «Речь», активно проводившей статистические подсчеты в период думских избирательных кампаний.

⁷ Этот возраст Н. Бородин считал расцветом физических и умственных сил человека, способных оказать влияние на направление и ход работы представительного учреждения.

общество впервые формируемой нижней палате первого российского парламента. «Избирая своих представителей в первую Государственную думу, народ, очевидно, предвидел трудности, предстоящие его посланцам, и останавливался на лицах среднего возраста, вполне возмужалых и полных сил» [1, с. 13].

Не менее активно в прикладных статистико-социологических исследованиях политических выборов начала XX века применялась и более сложная бинарная модель. Она предполагала выявление различных форм связи двух переменных: влияние одной на другую, взаимовлияние, влияние третьей переменной на изучаемые. Проанализировать особенности электорального выбора россиян в этом плане помогали такие методы анализа, как таблица взаимной сопряженности признаков и корреляционный анализ. Среди тех, кто пользовался бинарной моделью статистического исследования, был и московский публицист А. Саликовский [19]. Изучая динамику электорального абсентеизма среди москвичей на выборах в Государственную думу I–III созывов, он проанализировал таблицу, определяющую степень участия представителей различных возрастных групп в этих избирательных кампаниях. Естественные наблюдения за отношением различных поколений горожан к политическим событиям эпохи революции 1905–1907 годов позволили выдвинуть гипотезу о взаимосвязи возраста и электоральной активности: интерес молодежи к политическим выборам должен был уменьшаться медленнее, чем у старших возрастных групп. Представленные данные указывали на противоположную тенденцию — электоральный абсентеизм развивался в среде молодых избирателей значительно быстрее, чем у представителей старших возрастов. Чтобы объяснить противоречие между наблюдавшейся «политической отзывчивостью» молодых москвичей и снижением их участия в голосовании, А. Саликовский попытался провести корреляцию между возрастом и социальным положением городских избирателей. Анализируя цифровые выкладки «Статистического ежегодника г. Москвы» (1910 г.), раскрывающие в динамике социальное положение городского электората, автор обратил внимание на изменения в графе «квартирохозяева, не уплачивающие квартирного налога». Представители этой категории, в первую очередь, относились к младшим возрастным группам избирателей и рассматривались как их наиболее демократический и политически активный элемент. Именно этот слой населения активно отстранялся от участия в выборах властями с помощью так называемых «сенатских» разъяснений избирательных законов в период выборов в Государственную думу II и III созывов⁸. Таким образом, молодежный абсентеизм

⁸ В Москве количество избирателей этой категории, внесенных в избирательные списки, менялось следующим образом: первые выборы — 8714 человек; вторые — 2275 человек, третьи — 683 человека [19, с. 8].

объяснялся не столько политическим разочарованием избирателей данной группы, сколько искусственным отсечением от процесса голосования нежелательных элементов.

Наконец, нельзя не остановиться на обращении российских электоральных исследователей начала XX века к использованию метода множественного анализа, позволяющего рассматривать взаимосвязи трех и более переменных величин. Достаточно показательным примером его использования является электоральное исследование, проведенное российским экономистом и статистиком В. Громаном (псевдоним — Горн) в канун выборов в Государственную думу третьего созыва [6]. Пытаясь спрогнозировать результаты голосования, он использовал классический метод работы с электоральной статистикой — анализ агрегированных данных⁹. Этот метод, как отмечает Р. Евстифеев, позволяет рассчитывать средние величины, стандартные отклонения, коэффициенты корреляции, допускает использование метода множественной регрессии. Данные такого рода предоставляют объяснение коллективного электорального поведения [9, с. 117].

Используя информацию о социокультурном составе населения определенных территориальных единиц и результаты проведенных в них выборов в Государственную думу второго созыва, Горн попытался определить социально-классовый континуум устойчивых партийных предпочтений электората Европейской части Российской империи.

В. Громан использовал одну из моделей множественного анализа — регрессионную, смысл которой состоит в изучении влияния ряда (двух и более) независимых переменных на «зависимую» переменную. Стремясь понять, какие социальные факторы определяют выбор российским избирателем политической партии на парламентских выборах, исследователь выделил в качестве независимых переменных, оказывающих, по его мнению, основное влияние на результаты голосования, социально-классовый состав выборщиков и дифференциацию их социального положения внутри данной классовой группы. Проведение сравнительного анализа социально-классового и, отдельно, в качестве контрольной меры, партийного состава выборщиков с партийным составом депутатов II Государственной думы позволило В. Громану в общероссийском масштабе определить складывающийся базовый электорат основных политических сил, конкурировавших

⁹ По мнению В. Гельмана, наиболее значимые российские работы в сфере исследований электорального поведения (голосование на выборах в дореволюционной России, изучение выборов 1990–2000-х гг.) в основном были выполнены на основе анализа агрегированных данных электоральной статистики [5].

на думских выборах. «Мы видим, — писал он, — определенную и яркую зависимость результатов выборов от классового состава избирательных коллегий. Крестьянство тяготеет к трудовикам и социалистам, горожане, главным образом, к кадетам, но в значительной мере к левым, землевладельцы отдают свои голоса правым. Эти тенденции чрезвычайно резко выражены» [6, с. 5]¹⁰.

Используя избирательные квоты для разных социальных слоев населения, установленные новым избирательным законом от 3 июня 1907 года, Вл. Горн определил контуры социальной структуры корпуса выборщиков и рассмотрел параметры коррекционного воздействия на электоральный выбор внутригруппового социального положения в рамках отдельных классовых образований. Он определил примерный процент голосов, которые могли получить политические партии, участвующие в выборах, и выделил фаворита будущей избирательной гонки — партию октябристов¹¹. Итоги голосования в основном подтвердили правильность сделанных выводов.

Широкое распространение среди методов статистического исследования электоральных явлений, применявшихся в начале XX века, получил анализ временных рядов. Он позволял фиксировать динамику выборных процессов посредством комплекса наблюдений, в которых одна и та же переменная измерялась повторно через определенные интервалы. Сравнительное исследование нескольких парламентских избирательных кампаний выявляло основные тенденции, в первую очередь, в развитии электорального поведения россиян, что имело значение как при прогнозировании поддержки партий на очередных выборах, так и при анализе итогов состоявшегося голосования. Объясняя эти тенденции, исследователь обычно комбинирует влияние различных факторов (экономических, политических, социокультурных и т. д.). Думские выборы в дореволюционной России (1906–1912) проходили в сложной, быстро меняющейся социальной обстановке, заставляя исследователей внимательно отслеживать происходящие в стране события, чтобы объяснить формирование электоральных предпочтений населения. Примером может являться анализ

¹⁰ Вывод о складывающихся политико-партийных ориентациях основных социальных групп российского электората подтверждается упомянутым выше исследованием социального состава депутатского корпуса I Государственной думы, проведенным Н. Бородиным. «Распределение избраний по партиям, — указывает он, — также не лишено значения и интереса: депутаты к.-д. партии избраны главным образом городскими избирателями... трудовики — главным образом крестьянами... октябристы всего более землевладельцами...» [18, с. 38].

¹¹ Подробнее об использовании в электоральном исследовании Вл. Горна метода агрегированных данных см.: [13, с. 139–148].

В. Лениным итогов выборов в IV Государственную думу (1912). Сравнивая партийный состав вновь избранного представительного учреждения с аналогичным составом III Государственной думы как в начале (1908), так и в конце его существования (1912), исследователь объяснял полученные итоги не только активно используемым административным ресурсом¹², но и сочетанием сложившихся социально-экономических, политических и идейных условий на момент голосования. Постреволюционный период (1907–1912) в истории страны он делит на две фазы — наступление реакции (1907–1911) и пробуждение демократического движения (1911–1912). Если выборы в III Государственную думу проходили в условиях экономической депрессии, решительного наступления контрреволюции, отступления и распада сил демократии, разгула ренегатских, «веховских», ликвидаторских идей в «прогрессивном лагере», то конец работы III Государственной думы и очередной парламентский набор характеризовались противоположным историческим фоном: подъемом промышленности, неспособностью контрреволюции к дальнейшему наступлению с прежней силой или энергией и т. д., пробуждением демократии, заставившим прятать настроения веховства, ренегатства, ликвидаторства. «Началась вторая полоса, — указывал В. Ленин, — характеризуемая пробуждением “легких отрядов” буржуазной демократии (студенческое движение), наступательным экономическим и еще более неэкономическим рабочим движением и т. п.» [16, с. 319]. Именно комплекс сложившихся объективных факторов активизировал административное воздействие на ход голосования, показав, что принятая в условиях наступления реакции третьейеюньская избирательная система с изменением экономической, политической и идейной обстановки в обществе теряет свою эффективность, требуя новых способов сохранения устраивающего власть парламентского status quo. «Мобилизация духовенства против либеральных и октябристских помещиков; — удесятерение репрессий и бесцеремоннейшее нарушение закона, направленное против буржуазной демократии в городах и в деревнях; — попытки теми же средствами вырвать рабочую курию у социал-демократии — таковы основные приемы делания выборов в 1912 году» [16, с. 320].

Подводя итог, отметим, что статистико-социологический метод был не единственным в перечне методических приемов, которые использовали социологи-эмпирики для сбора и анализа фактологического материала в сфере исследования выборов. Активно применялось наблюдение за ходом избирательных кампаний, анализировался

¹² «Всего более бросающаяся в глаза отличительная черта выборов в IV думу, — писал В. Ленин, — это — систематическая подделка этих выборов правительством» [16, с. 319].

документальный материал, связанный с электоральной проблематикой. Однако именно количественные измерения рассматривались как наиболее перспективный способ получения объективной информации об основных характеристиках поведения российского избирателя на политических выборах, что определяло их широкое распространение и достаточно высокий для своего времени уровень научно-методического обоснования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бородин Н.А.* Государственная дума в цифрах. СПб.: Издание Товарищества «Общественной пользы», 1906.
2. Выборы в Государственную думу третьего созыва. Статистический отчет Особого делопроизводства. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1911.
3. Выборы по г. Москве в Государственную думу второго созыва. М.: Городская типография, 1908.
4. Выборы по г. Москве в Государственную думу третьего созыва. М.: Городская типография, 1908 (приложения).
5. *Гельман В.* Электоральные исследования в российской политологии: «нормальная наука» в «нормальной стране»? [online.] Дата обращения: 09.05.2012. URL: <<http://www.polit.ru/article/2007/09/25/electoral>>.
6. *Горн В.* Избирательный закон 3 июня и вероятный состав 3-й Думы: Политико-статистический этюд // Современный мир. 1907. № 7–8.
7. *Горн В.* Спасители России: Этюд политической статистики // Современный мир. 1908. № 1.
8. *Дмитриев К.* К характеристике московского избирателя // Наша заря. 1911. № 2.
9. *Евстифеев Р.В.* Мелодии электоральных пространств. Политический процесс и электоральные прочтения избирателей (Владимирская область, 1999–2009). Владимир: Избирательная комиссия Владимирской области, 2009.
10. *Звоновский В.Б.* Прогнозирование электоральной активности на основе отчетов респондентов // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 2.
11. *Иорданский Н.* Итоги выборов. Левые сторонники правой линии // Современный мир. 1907. № 11.
12. *Кажанов О.А.* Статистическое анкетирование как метод изучения социального состава I Государственной думы (1906): на примере исследования Н. Бородина // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 4.
13. *Кажанов О.А.* Электоральные исследования в дореволюционной России (на примере работ Вл. Горна) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18 (156). Философия. Социология. Культурология. Вып. 12.
14. *Кареев Н.* Введение в изучение социологии. 3-е изд. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1913.

15. *Кечина Е.* Взаимодействие социологии и статистики на этапе их формирования как социальных наук // Социологические исследования. 2008. № 9.
16. *Ленин В.И.* Итоги выборов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 22. М.: Политиздат, 1968.
17. *Махонина С.Я.* Русская дореволюционная печать (1905–1914) / Под ред. Б.И. Есина. М.: Изд-во МГУ, 1991.
18. *Муханов А.А., Набоков В.Д.* Первая Государственная дума: Сб. статей. Вып. 1. Политическое значение первой Думы / Под ред. В.Д. Набокова. СПб.: Общественная польза, 1907.
19. *Саликовский А.* Москва на выборах // Русская мысль. 1911. Кн. 3.
20. Социология в России XIX – начала XX веков. Социология как наука. Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997.
21. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
22. *Титков А.С.* Партийная система России начала XX века в пространстве проблемных измерений и в географическом пространстве // Политическая наука. 2005. № 2.
23. Электоральные социологические исследования / Д.Г. Ротман, А.А. Тарнавский, И.В. Левицкая. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002.